

Раньше Хэ Бочжэн редко достаивал второго принца прямым взглядом. Даже когда тот добился небольших успехов на службе в Министерстве общественных работ, Хэ Бочжэн, как дядя императора, мог позволить себе важничать. Это было очевидно по тому, как его родная дочь даже не смотрела в сторону второго принца.

Теперь, вынужденный смотреть на него прямо, он обнаружил, что в сложившейся ситуации тот по-прежнему сохраняет самообладание, его глаза спокойны и ясны.

Второй принц затем произнес:

— Господин Хэ, дядей императора, осмелюсь я вас окликнуть, а вы ответите?

Хэ Бочжэн: «...»

Хэ Бочжэн не понял этой отсылки, но ему почудились в ней вызов и самодовольство. Окинув взглядом окружение, он резко ответил:

— Ваше высочество, не радуйтесь слишком рано!

Гу Цин легкомысленно парировал:

— Потому что у меня больше не будет возможности называть вас дядей?

Хэ Бочжэн:

— Вы!

Сейчас Хэ Бочжэн все еще больше надеялся на императора Цзинтая, но он также украдкой бросил взгляд на Гу Цина. Он хотел посмотреть, смогут ли эти мятежные министры сохранять такую уверенность, если второго принца не станет и они поймут, что их затея провалилась?

Хэ Бочжэн стиснул зубы и продолжал стоять на коленях, ведь император Цзинтай не дал разрешения подняться.

Гу Цин моргнул.

Дворец Чжаохуа

Хэ Ваньцин во Дворце Чжаохуа: «!!!»

Слушая пересказ императора Цзинтая, Хэ Ваньцин похолодела от страха. Она оказалась здесь незадолго до того, как местная Хэ Ваньцин должна была войти во дворец. Можно сказать, что если отбросить часть про то, что она мятежница, то выводы, сделанные при дворе, почти

попали в самую точку. Даже упоминание о каких-то чарах функционально не сильно отличалось от правды.

Хэ Ваньцин никогда не думала, что однажды ее заподозрят в подмене. Хотя, нет, когда Дитя долголетия вошло во дворец, ее уже называли небожительницей, спустившейся на землю. Но эти два события имели разный смысл. Лишь услышав ярость императора Цзинтая, Хэ Ваньцин осознала, что на этот раз дело не обойдется мирно.

Но как это могло произойти?

— Это Дитя долголетия!

Хэ Ваньцин выпалила, но сразу же поняла, что ошиблась. Она же уже использовала на Дитя долголетия Талисман непоколебимой верности, он не мог предать ее. Или же тогдашние слова Дитя долголетия все же подслушал кто-то со стороны, что и привело к сегодняшней битве не на жизнь, а на смерть?

Император Цзинтай уже качал головой:

— Какое отношение Дитя долголетия имеет к этому? — Затем он разгневался:

— Я вижу, они просто хотят устроить бунт! На этот раз я ни за что не стану это терпеть!

Хэ Ваньцин, поправив прядь волос у виска, с некоторой поспешностью сказала:

— Я тоже думаю, что они замышляют недоброе, не ставя тебя, императора, ни во что. На мой взгляд, на этот раз тебе следует не только отправить их всех в темницу, но и казнить нескольких для устрашения остальных. И еще, чтобы продемонстрировать свою решимость, я думаю, тебе стоит немедленно написать указ об отречении и швырнуть его им перед носом, чтобы они поняли, кто в этом мире хозяин.

Однако император Цзинтай не согласился, лишь нахмурившись:

— Сейчас, когда произошло такое, я боюсь, что наследный принц не справится. Насчет отречения мне нужно еще подумать.

Хэ Ваньцин: «!»

Тут доложили, что наследный принц ищет аудиенции, и император Цзинтай вышел из Дворца Чжаохуа.

Едва он повернулся к ней спиной, Хэ Ваньцин тут же мысленно спросила Систему наложницы:

[Система, быстро проверь, не упал ли уровень благосклонности ко мне у императора Цзинтая?]

Система наложницы холодно ответила:

[Как только установлена связь «Вечное единение сердец», уровень благосклонности больше не может падать, за исключением одного случая.]

Хэ Ваньцин с тревогой спросила:

[Какого случая?]

Система наложницы:

[Если хозяйка будет уничтожена.]

Хэ Ваньцин: «!»

Система наложница добавила:

[Хозяйка, думаю, мне не нужно лишний раз напоминать тебе, что для получения достаточного количества очков тебе необходим императорский указ, официально присваивающий тебе титул вдовствующей императрицы.]

А не то, что как только император Цзинтай издаст указ об отречении, Хэ Ваньцин сразу же получит очки. Официальное заверение все же необходимо.

Хэ Ваньцин невольно сжала кулак, и ее прекрасный лакированный ноготь впился в ладонь, отчего она резко вскрикнула от боли.

Слуги в покоях тут же пришли в смятение.

Среди них были те, на кого Хэ Ваньцин использовала Талисман непоколебимой верности, и они не так уж паниковали из-за событий при дворе.

Остальные же украдкой переглядывались, чувствуя, что на этот раз императрице, вероятно, будет не так легко преодолеть эту преграду. Хотя, казалось, император Цзинтай не сомневался в ней из-за событий при дворе и по-прежнему любил и ценил ее.

О том, что император Цзинтай и Хэ Ваньцин связаны узами «Вечного единения сердец», Гу Цин, конечно же, знал.

В исходном сюжете, который он увидел, войдя в этот параллельный мир, об этом упоминалось. Там же рассказывалось и о том, что было с Хэ Ваньцин до получения Системы наложницы, включая то, что до переселения ее отец был учителем истории.

Иначе его аватар, Дитя долголетия, не знал бы об этом и не использовал бы.

Нынешняя ситуация заключалась в том, что Хэ Ваньцин наконец почувствовала угрозу. Оставалось лишь посмотреть, как она будет действовать дальше?

По мнению Гу Цина, Хэ Ваньцин смогла дойти до сегодняшнего дня почти исключительно благодаря инструментам, предоставленным ей Системой наложницы. Читая исходный сюжет, можно было также заметить, что Система наложницы не только предоставляла такие внешние улучшения, как Мазь из девяти цветков и нефритовой росы или сияющая кожа, но и предлагала знания, которые хозяйка могла изучить, например, музыкальные инструменты, шахматы, каллиграфию и живопись. Однако Хэ Ваньцин не прилагала усилий, чтобы учиться этому самостоятельно. Даже то стихотворение «Ода белой бегонии», которое она когда-то сочинила, не было результатом ее обучения.

Стоит отметить, что именно с помощью этого стихотворения Хэ Ваньцин смогла превзойти наложницу Сяо, то есть мать второго принца.

Наложница Сяо изначально была чувствительной и холодной натурой, но в глазах Хэ Ваньцин это было притворством. Строка «Бледность предельная — лишь тогда цветок ярче; печали много — как же нефриту без изъяна?» была использована для скрытых намеков.

Наложница Сяо все еще питала чувства к императору Цзинтаю, но тот к тому времени уже «глубоко влюбился» в Хэ Ваньцин. Под таким двойным ударом наложница Сяо впала в глубокую тоску и вскоре скончалась.

Хотя Гу Цин и обладал воспоминаниями Сыту Хэна, он не испытывал к наложнице Сяо никаких перенесенных чувств. Просто, как и в прошлом мире, где он помог бабушке Фан спокойно прожить старость, на этот раз разоблачение Хэ Ваньцин также было использовано в качестве небольшой цели, пусть и обернутой в большую.

Возвращаясь к теме, Хэ Ваньцин, вознесенная Системой наложницы на положение императрицы, на самом деле не обладала реальной властью.

Даже власть в задних покоях частично разделяли старшая служанка и главный евнух Дворца Чжаохуа, а остальное было захвачено Управлением внутренних дворцовых дел. Что касается таких дел, как прием знатных дам, Хэ Ваньцин старалась избегать их, когда могла. Неудивительно, что некоторые знатные дамы в частных беседах говорили, что Хэ Ваньцин — выходец из незнатной семьи, и даже надев золотые одежды, она не сможет стать настоящим фениксом.

Возможно, Хэ Ваньцин считала, что пока уровень благосклонности императора Цзинтая к ней не падает, с ней ничего не случится.

Однако, когда трон императора Цзинтая пошатнулся, Хэ Ваньцин стала похожа на муравья на

горячей сковороде, беспомощно озираясь и не зная, что делать. В конце концов, она все равно будет вертеться вокруг императора Цзинтая.

Гу Цин сложил ладони перед собой. До сих пор все двигалось вперед в пределах его ожиданий. А что касается того, как именно будет вертеться вокруг императора Цзинтая Хэ Ваньцин, у Гу Цина уже были конкретные предположения.

Спустя время, необходимое, чтобы сторели две палочки благовоний, приемный сын главного евнуха Дворца Чжэнцян Ли Цилянь, Чэнь Баоцин, несмело вошел в боковой павильон.

Гу Цин, конечно же, не стоял на коленях в Тронном зале. Вскоре после того, как император Цзинтай ушел, Ли Цилянь послал Чэнь Баоцина вызвать Гу Цина.

Этот Чэнь Баоцин сейчас имел некоторый вес в Дворце Чжэнцян, и многие чиновники знали его в лицо. Хотя они и удивились, почему император Цзинтай вызывает второго принца, они не заподозрили, что тот действует от имени императора без полномочий.

Теперь Чэнь Баоцин вошел и быстро, тихим голосом доложил:

— Ваше высочество, император, побывав в Дворце Чжаохуа, вернулся в Дворец Чжэнцян. Наследный принц получил утешение и теперь намеками выясняет, как чиновники могли узнать о внутренних дворцовых секретах. А та особа из Дворца Чжаохуа пришла на аудиенцию. Когда ваш слуга удалялся, наследного принца уже выпроводили оттуда.

Гу Цин встал и сказал:

— Пригласи наследного принца в западный боковой павильон на чай.

Чэнь Баоцин:

— Слушаюсь.

Выпроводили не только Чэнь Баоцина, но и самого Ли Цилянь, оставив лишь кучку слуг в качестве фоновых статистов.

Ли Цилянь тихо отошел в сторону, а спустя некоторое время продолжил отходить, пока не оказался перед Тронным залом, где на коленях стояла темная масса придворных.

Он был самым доверенным главным евнухом императора Цзинтая. Увидев его, гражданские и военные чиновники встрепенулись, желая узнать нынешние мысли императора.

Ли Цилянь, как обычно, ничем не отличаясь от обычных дней, объявил:

— Императорский устный указ: первый помощник министра Кабинета Ян Сюнь, командующий

Девяти врат Лу Жэньцзя и командующий дворцовой стражей Се Минь должны явиться в Императорский кабинет.

<http://bllate.org/book/15394/1359550>